

ЭКСПАНСИЯ

[РУИГАТ]

СХВАТКА

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Руигат

Роман ЗЛОТНИКОВ

Руигат. Схватка

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Руигат. Схватка / Р. В. Злотников — «АСТ», 2016 — (Руигат)

ISBN 978-5-17-091698-6

Четверо великих воинов планеты Земля – лейтенант НКВД, офицер СС, японский адмирал и морской пехотинец армии США, – некогда перенесенные на Киолу для защиты ее от инопланетных агрессоров, снова в строю. На этот раз им предстоит схватка не только с коварными Желтоглазыми, разрушившими процветающую звездную колонию, но и с беспощадными местными бандами, которые пытаются установить свою власть на руинах мирной цивилизации.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091698-6

© Злотников Р. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Роман Злотников

Руигат. Схватка

© Р. Злотников, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Эти звуки Ук слышала еще шагов за двадцать. Те, кто двигался ей навстречу, шли через Руины громко, по-хозяйски, не скрываясь, нагло и уверенно хрустя ласколовым щебнем и цокая по выщербленным ступеням остатков лестниц самодельными набойками. Девочка испуганно притормозила, завертев головой по сторонам и изо всех сил подавляя накатывающий приступ паники. Паника в такой ситуации – лучший способ попасться. Но подавить ее не получалось. Встреча с неприятностями (а в том, что приближаются именно они, она не сомневалась) произошла в тот момент, когда возможности Ук избежать ее оказались минимальны. Если бы на пять минут раньше или позже... Но нет, все случилось именно тогда, когда девочка находилась почти в центре «коридора».

Так старшие называли длинные и узкие проходы, образованные полуобрушившимися стенами домов. По этим проложенным сквозь Руины путям идти было не в пример удобнее, чем напрямик через развалины, потому что с них уже убрали обломки и расчистили самые глухие завалы. Но с другой стороны, для таких, как она, путешественников-одиночек «коридоры» были и более опасными. Потому что в них, как правило, и устраивали засады мелкие банды. Даже патрули крупных группировок, держащих ту или иную часть Руин, призванные будто бы охранять тех, кто оказался на подконтрольной им территории, представляли опасность для двенадцатилетней девочки. Бандиты – всегда бандиты. Несмотря на то, что они вроде как представители власти...

Да что там патрульные – встреча будь с кем могла закончиться для неё как минимум ограблением, а то и чем-нибудь похуже. Но у девочки не было другого выхода. Если обогнуть Руины по окраинам – путь в зависимости от выбранного маршрута удлинялся по времени вдвое, втрое, а то и вчетверо. И даже по «коридорам» Ук добиралась до шестьдесят седьмого терминала почти четыре часа.

Впрочем, сказать, что передвижение по ним было опасным на всем их протяжении, тоже неправильно. «Коридоры» были проложены извилисто – то сворачивая с одной улицы на другую, то уходя в сквозные холлы больших зданий, то ныряя под землю, в технические или транспортные тоннели, а затем снова возвращаясь на поверхность.

Так что почти везде была возможность притаиться за кучей щебня или нырнуть под рухнувшую плиту. Но сейчас никакого укрытия Ук отыскать не могла. А бежать... Ну, если она слышала хруст щебня *идуших*, то уж *бегущую-то* ее они точно услышат.

Еще раз крутанув головой, Ук набрала воздух в легкие, чтобы, если уж ничего не сделать, просто зареветь (кто его знает, может, удастся хоть немного разжалобить встречных девичьими слезами... впрочем особой надежды на это не было), но тут же замерла, уставившись сузившимися глазами на незамеченный ею сразу завал из нескольких рухнувших у самой стены плит перекрытия. Судя по всему, не выдержали проржавевшие несущие конструкции на каком-то из верхних этажей ближнего к «коридору» строения. И произошло это всего день-два назад. Вряд ли раньше... Иначе его бы уже разобрали. И, похоже, это оказалось для нее большой удачей.

Часть обрушившихся плит встала в распорку к остаткам стен, и это нагромождение могло таить внутри пустое пространство, достаточное для того, чтобы укрыть в себе нечто маленькое и юркое...

Ук быстро скинула с плеч узел с добычей и прыгнула к стене. Ага, есть щель... правда, она вполне может оказаться забитой внутри мелкими обломками, но шаги слышались уже совсем рядом, поэтому времени рассусоливать не было. Придется рисковать. Девочка распласталась на земле, нацелившись на узкий лаз, сквозь который на первый взгляд смог бы всунуться не каждый мангуст. Эти твари в Руинах были толстые и страшно наглые... Шурх-шурх-шурх, ловкое тело с трудом, но протиснулось сквозь зазубренные, обломанные края узкого лаза, ш-ш-

урх, нырнул в щель узел, шрых-х-ых, вылетела наружу пара горстей пыли и мелких камушков, по-быстрому маскируя следы. Очень уж уверенно идут эти... Так что не добычки и, скорее всего, не охотники. Более всего похоже, что это патруль банды Троивора. А если это так, то есть шанс, что они будут не слишком внимательны. Потому что сытые. И по жрачке, и по бабам. Поэтому специально приглядываться вряд ли станут. Так как ничего из того, что они могут отыскать в этой части Руин, не лучше того, что им уже доступно. А опасности нападения они не боятся. После той-то бойни, что они устроили банде Гройкара... К тому же идут с севера. То есть, скорее всего, нацелились на «тошниловку» Кривой Убз. И уже в предвкушении. Вследствие чего шанс остаться незамеченный – есть, и неплохой. А там как Небесные рассудят...

Когда хруст щебня начал раздаваться совсем рядом, Ук от волнения прикрыла глаза и затаила дыхание, боясь, что этот звук внезапно прекратится. Потому что это почти неминуемо означало, что ее маскировка не удалась. Хрусь, хрусь, хру... Девочка испуганно вздрогнула. Неужели...

– Погодь, Скрав, я ща отолю, – произнес кто-то снаружи сиплым, пропитым голосом.

– Ну ты и пась¹, Щербатый! – раздраженно отозвались ему в ответ. – До «тошниловки» десять минут всего осталось – так нет, позарез понадобилось мудя наружу вывалить...

– Не балаболь, Скрав, а то зубы будут такие же, как у меня, – добродушно отозвался сиплый.

– И кто это мне тут предьяву кидает? Неужто сам Щербатый? Ай как я испугался! Ой как мне...

– Да заткнись ты уже, бестолочь! – прорычал сиплый. И в следующее мгновение снаружи зажурчало.

Девочка сидела ни жива ни мертва, боясь пошевелиться. Поэтому, когда ее левой ягодице вдруг стало горячо и мокро, она лишь скосила глаза вниз, опасаясь даже повернуть голову. Ну да, струйки мочи, сбегая по внутренней поверхности одного из крупных обломков, собирались в выщерблине и веселым ручейком текли прямо ей под попу...

– Ах, хорошо... – в голосе сиплого явно слышались нотки удовольствия, – заодно и территорию пометил.

– Ладно, иди уж... мангуст. Территорию он пометил... Шутник! – и снова слышался мерный хруст щебня. Ук еще минут пять продолжала сидеть, замерев, чутко прислушиваясь к тому, что творится снаружи ее случайного убежища, а затем осторожно опустила руки и отодвинулась в сторону от лужи мочи. Вернее, лужи уже не было. Впиталась в пыль. Но штаны ей намочило изрядно... Да и плевать! Главное – не заметили. У Троивора в банде такие гады...

Банда Троивора в этой области Руин была самой властью, одновременно являясь воплощением как закона, так и беззакония. Да и кто посмел бы бросить им вызов? «Рышущие» были разобщены и представляли из себя конгломерат мелких группировок. А набиравшей силу молодой банде Гройкара, объединившего под своей рукой верхний, подростковый слой стай «малолеток», Троивор несколько дней назад устроил показательное кровопускание, внезапно напав на его патрули и бойцов, охраняющих перешедшие под «крышу» молодого бандита «тошниловки», скупки, мастерские и прачечные. А также навязав им десятки стычек по всем Руинам, в которых пусть и многочисленные, но застигнутые врасплох и куда хуже вооруженные «стаи» Гройкара понесли большие потери. Так что теперь тому едва удавалось отбиваться от десятков мелких банд, которые он еще недавно сам обкладывал данью. Стоимвол со своими людьми и парой дюжин наемников сидел на бывшей робофабрике, отгородившись десятком катапульта, собранных из деталей остановившихся робопогрузчиков. «Вольные» же про-

¹ Чрезвычайно агрессивный местный стайный грызун, размерами напоминающий кошку. Известен способностью гадить где попало, поэтому чаще всего его пребывание где-либо засекается по остающимся после него многочисленным экскрементам.

должали глупо кичиться своей «свободой» и тем, что они принципиально не согласны никому подчиняться, кроме как выборным из их собственного числа. Поэтому «вольных», как обычно, доили все кому не лень – от того же Тривора до совсем уж мелких банд, состоящих из полудюжины подростков возрастом зачастую еще меньше, чем Ук.

А «желтоглазые» в Руины не совались. Не потому, что чего-то боялись, либо уважали право на власть, либо имели договор с какой-нибудь бандой. «Желтоглазые» не боялись ничего и никого не уважали, и им в голову не могло прийти с кем-то договариваться. Им просто было плевать на Руины.

Выбравшись из завала, Ук оглядела себя и презрительно сморщила носик. Да уж, пахло от нее сейчас... Да и мокрое пятно на попе не добавляло оптимизма. Но сильно она не расстроилась. Когда живешь в Руинах – на подобные мелочи перестаешь обращать внимание довольно быстро, приучаясь сосредотачиваться на том, что является главным. Иначе здесь не выжить... А главное как раз таки удалось. Она смогла спрятаться от патруля, и потому все, что насобирала, пробравшись в развалины шестьдесят седьмого терминала, осталось в ее узле! Теперь бы еще остаток пути преодолеть без лишних приключений – совсем бы было хорошо.

До Нор Ук добралась через полчаса. И почти без проблем. Только раз пришлось снова прятаться от подростковой «стаи» в восемь голов, торчащих на худющих шеях из живописных лохмотьев, в которые они были одеты. Судя по тому, что Ук удалось услышать, когда малолетки проходили мимо, им буквально вот только что удалось основательно «раздеть» какого-то «вольного», который как раз возвращался из весьма удачного для него поиска. Поэтому они веселой гурьбой перли через Руины напрямик, жуя на ходу и громко галдя. Так что девочка засекла их издалека и успела надежно спрятаться. Ну относительно, конечно... Спрятаться от «стаи» подростков, которая рыщет в поисках жратвы или чего на продажу, вообще практически невозможно. Но эти были уже с добычей и, более того, в настоящий момент сильно заняты процессом ее поглощения. Поэтому по сторонам особенно не смотрели.

Норы представляли из себя огромную территорию, заселенную достаточно большим количеством людей, которая не контролировалась ни одной бандой... Вернее не совсем так. Точки контроля были. «Тошниловки», скупки, мастерские, бани, бордели, торговые места группировки держали крепко. Но никакого «налога на проживание» в Норах никто не платил. И все попытки изменить это, предпринимавшиеся уже не раз и не два даже на памяти девочки, до сих пор ни к чему не привели. Потому что едва только какой-нибудь банде взбрело в голову объявить, что она принимает тот или иной участок Нор под свою руку, как с нее тут же начинался повальный исход обитателей. И все усилия бандитов пресечь бегство оказывались тщетными. Вот потому-то они, едва услышав о том, что кто-то собрался взять ту часть Нор, в которой они обретались, под свою руку, тут же снимались с места и, со всем своим скудным и весьма немудрящим скарбом переселялись куда-нибудь подальше, в течение пары-тройки дней вырывая в развалинах обычную для Руин очередную нору-жилище. Ну а спустя еще пару дней вслед за ними снималось и все остальное – лавки, мастерские, «тошниловки», прачечные... А куда деваться – массовый бизнес всегда следует за клиентом. Более того, часто оказывалось, что на новом месте и обустраиваться-то особенно не надо. Так... если только чуть лоск навести. Потому что переселенцы пришли как раз туда, где когда-то уже жили люди – такие же, как и они, бывшие жители Нор.

– Добрый вечер, Ук, – приветливо поздоровался с девочкой Горелый Буж, выбравшийся из своей норы, чтобы «подышать и полюбоваться на закат», как он это называл. Горелый вообще был странным типом. Ходили слухи, что он жил еще до Смерти. Но Ук была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, что все это сказки. Люди так долго не живут. Человек слаб и гибнет от тысячи вещей – голода, болезни, клыков хищников, в кровавых разборках банд, попав под завал в Руинах... да мало ли есть причин для смерти?! Некоторые идиоты, вон, вообще пытаются лезть на территории, на которых можно встретить «желтоглазых». Так кто

виноват?... Но даже те немногие, кто дотянул до седых волос и умер «ни от чего», как это называли в Норах, все равно прожили гораздо меньше лет, чем прошло со времен Смерти. Редко кто из них отмечал две руки по одной руке² лет. Многие уходили не позднее, чем через руку и три пальца рук...³ ну-у, плюс-минус несколько пальцев. А Смерть была раньше. Когда точно, девочка не знала, но наверняка больше, чем руку рук рук⁴ лет назад. А столько люди не живут.

– Добра и тебе, Буж, – равнодушно бросила Ук, пробегая мимо. Странности Бужа выражались во многих вещах. Например, вот эти его приветствия. Когда один человек говорит другому: «Добра тебе!» – всем понятно, что он ему желает. Добра желает, да побольше... Ну, то есть, чтобы поиск в Руинах был удачным, чтобы собранное поменять выгодно, чтобы найденное никто не отобрал. А как можно желать «доброго вечера» или, там, «доброго утра»? Разве вечер можно найти или поменять? Или же его манера одеваться. Обитатели Руин, покидая свою нору, все более-менее целое надевали на себя, оставляя только ворохи почти уже ни на что не годных тряпок, которые использовались для подстилок или занавесей над входом. А вот Буж выползал из своей норы, одеваясь, как он это называл, «по сезону». Немудрено, что его часто обкрадывали... Но зато Горелый умел рассказывать удивительные истории и знал всякие мудреные слова. И когда Ук была совсем маленькой, она любила приходить к Бужу и слушать эти истории... Но сейчас она торопилась. Ей надо было успеть добраться до «тошниловки» Трубийи до того, как она закроется.

В шестьдесят седьмом терминале девочке повезло. Она не только смогла проникнуть в один из внешних пакгаузов, не потревожив ни одного «неживого сторожа», которых там наставили «желтоглазые», но и сумела обнаружить там пусть и изрядно погрызенную, но почти полную упаковку «пищевых картриджей». Странная штука... С одной стороны вроде как пища, а с другой – есть ее было совершенно невозможно. Ни в сухом, ни в каком-либо другом виде... Но это если самому пытаться приготовить на костре или каком-нибудь полуубитом нагревательном элементе. А вот в «тошниловках» из них научились стряпать вполне съедобное блюдо. Причем ходили слухи, что из одного вот такого «картриджа» толщиной в руку взрослого и длиной по локоть десятилетнего ребенка умелый владелец мог бы наварить целый котел «тошновки», которая являлась основой рациона питания местных обитателей. А куда деваться? Ни полей, ни огородов, ни мясных ферм в Руинах не было. Там же, где имелась хотя бы гипотетическая возможность их завести – людей подстерегали куда большие опасности, чем здесь, в Руинах. Так что спрос на «пищевые картриджи» в Норах всегда был стабилен.

Правда, они частично оказались порченые, в разлохмаченной упаковке и немного погрызенные. Скорее всего паси постарались. В окрестностях Нор они встречались не очень часто, поскольку питаться им здесь было особенно нечем, а вот на них самих здешние обитатели охотились весьма воодушевленно. Ну еще бы – мясо!.. Но все равно, даже в таком состоянии эти «картриджи» были вполне достойной добычей – ценной и пользующейся спросом.

Нет, на деньги Ук не рассчитывала. Это было совершенно бесполезно. Потому что деньги в Руинах были вещью чрезвычайно редкой. Ибо подавляющее большинство торговых операций представляло из себя обычный бартер. То есть тряпки менялись на воду, крысиное мясо на примитивный инструмент, а миска «тошновки» на обувь. Ук планировала получить в обмен на «картриджи» нечто крайне необходимое для себя лично.

Девочке повезло. Несмотря на вечер, Трубийя еще была на месте и пока что даже не думала закрывать «тошниловку». Наоборот, судя по запаху, она не так давно замутила очередной котел «тошновки». И это означало, что хозяйка ожидала скорого нашествия большого количества клиентов. Из чего вытекало, что Ук, наоборот, особенно задерживаться здесь

² Пятьдесят.

³ Сорок.

⁴ Сто двадцать пять.

совершенно не стоит. Мало ли что это будут за люди? Кто его знает, чего им захочется на сытый-то желудок? Она, конечно, еще маленькая, худая, и от нее воняет чужой мочой, но фигурка у нее уже вполне зрелая. И она всего лишь на год моложе дочери соседки Горелого Бужа Тимийн, которая руку дней назад уже начала подрабатывать в борделе матушки Полстешки. Что же касается запаха... так половина клиентов Тимийн пахнет еще хуже... Отсюда вывод, что если она не хочет неприятностей, договариваться с владелицей «тошниловки» следовало быстро.

– Здравствуйте, уважаемая Трубийя, – вежливо поклонилась Ук дородной хозяйке, с трудом сумев сглотнуть слюну. А что делать – весь день на ногах, а во рту ни крошки не было. Еда у них с матерью кончилась еще два дня назад. Но вчера девочка шарила по Руинам неподалеку от дома – у порта и «больших домов», где все уже давно было обобрано, считай, до камня. Так что ей так и не удалось найти ничего съедобного либо того, что было возможно обменять на пищу. Именно поэтому она сегодня и отправилась так далеко – к шестьдесят седьмому терминалу. Он вплотную примыкал к «зоне отчуждения», установленной «желтоглазыми», и подавляющее большинство обитателей Руин предпочитало туда не соваться. Ибо в терминале шанс получить в голову заряд из смертоносного оружия «желтоглазых» был куда выше, чем шанс того, что удастся найти добычу. То есть нет, не совсем так – найти-то ее там было как раз куда проще, чем в любом другом месте Руин, но вот суметь с ней уйти...

Хозяйка «тошниловки», сноровисто шурующая у плиты большим половником на длинной ручке, покосилась на девочку и мрачно буркнула:

– Чего тебе, попрошайка?

Ук, до которой как раз донеслась очередная волна вкусного запаха, опять сглотнула слюну и, с трудом отведя взгляд от столь соблазнительного зрелища – полного котла аппетитного варева, робко сообщила:

– Я... это... я бы хотела узнать, на сколько порций «тошновки» я могу рассчитывать в обмен на упаковку «пищевых картриджей»?

– А она у тебя есть? – удивилась Трубийя, недоуменно уставившись на нее. Девочка торопливо закивала. Хозяйка задумчиво потерла подбородок и возвела очи горе, что-то подсчитывая.

– Ладно, – нехотя произнесла она, – дам две руки мисок. За каждый. Давай уж.

Личико Ук просияло, и она радостно скинула с плеч узел с «картриджами».

– Вот, держите, пожалуйста!

– Да они у тебя погрызенные! – скривилась Трубийя.

– Но совсем чуть-чуть. А вот эти два вообще почти целые.

– Все равно погрызенные, – упрямо набычилась хозяйка «тошниловки». – А вот этот вообще на четверть. За этот больше одной руки мисок не дам, понятно?

Личико девочки скривилось от обиды. Но она сумела не заплакать, а наоборот, поджала губы и потянула к себе уже вроде как отданные хозяйке «картриджи».

– Тогда я отнесу их в другое место.

– Ну, ладно-ладно, чего ты, – тут же пошла на попятный Трубийя. – Не руку, а руку и три пальца получишь.

– Нет, – упрямо завертела головой Ук. – По две руки за каждый. Или ухожу.

– Да что ж ты такое говоришь?! – вскинулась толстуха, колыхнувшись всеми своими необъятными телесами. – Нет, вы посмотрите, люди добрые, до чего дошло? Да где ж это видано – за порченые давать столько же, сколько за целые?

– Так ты обычно за целый три руки мисок даешь, – донесся откуда-то из темноты язвительный голос. – А девочке всего две обещала. Не стыдно ребенка-то обманывать?

– Где мне стыдно было, мне еще в одиннадцать лет воткнули, а этому ребенку уже двенадцать, а все нетронутая ходит, – огрызнулась хозяйка. – Да и вообще, «тошновка» у меня сегодня наваристая, а не как обычно. С крысиными головами, хвостами и лапками!

– Так то сегодня, – снова донесся все тот же голос. – И ты опять же не по три, а по две руки даешь...

Девочка же все это время упорно тянула «картриджи» к себе. Трубийя окинула Ук раздраженным взглядом, потом зло вырвала «картриджи» из ее рук и пробурчала:

– Ладно, все по две руки. Сегодня будешь брать?

– Да! – закивала девочка, едва не захлебываясь слюной, и уставилась вожаемым взглядом на котел.

– Ну, с собой у тебя миски, похоже, нет, – насмешливо произнесла хозяйка «тошниковки». Ук снова кивнула. Нет, миска у нее была. Но дома. В своей норе. И даже две было – ее и мамы.

– Ладно, бери вон из той стопки. Сколько нужно? Две? Бери. Но чтобы сегодня же принесла. И чистые, – строго наказала Трубийя. – А то знаю я вас...

Но Ук ее уже не слушала. Торопливо схватив миски, она подскочила вплотную к котлу и протянула их хозяйке. Та насмешливо скривилась и, ухватив большой половник, запустила его в варево. Девочка снова сглотнула, зачарованно наблюдая, как две посуды наполняются вожаемой «тошновкой». Густой, наваристой (вон даже пара крысиных лапок всплыла), исходящей паром...

До своей норы девочка добралась, когда уже совсем стемнело. Нырнув под полог, изготовленный из грязных тряпок, наброшенных на торчащую из плиты арматуру, Ук на мгновение задохнулась от ударившего в нос густого смрада, но тут же привычно сделала пару глубоких вдохов, чтоб побыстрее притерпеться, и закричала:

– Мама, мама, я принесла еду!

Несколько секунд не было никакой реакции, а затем темный ком, валявшийся в дальнем углу норы на толстом обломке плиты, изображавшем из себя нечто вроде лежака, тяжело заворочался, и из него донесся слабый голос:

– Х-х-хо-о-шо... евоч-а ма-ая... о я ехошу... эсть... ушай ама-а-а...

– Да нет же, мамочка, – торопливо затараторила Ук, – нам обоим хватит. Вот, посмотри! У меня целых две порции! Давай вставай, я сейчас достану ложки.

– Две?... – Ком еще сильнее заерзал, а потом из него выпросталась худая, дрожащая рука, затем вторая, и ком, слабо подергавшись, перекатился и... сел, свесив ноги с обломка. – Откуда?

– Я сегодня нашла упаковку «пищевых картриджей», – гордо сообщила Ук, ставя миски с «тошновкой» на край лежанки и склоняясь над разломанным пластиковым контейнером, у которого не было одной стенки. В этом «предмете мебели» они хранили весь свой немудрящий скарб – расческу с половиной зубьев, узелок с остатками соли, тонкую петлю крысиных силков, пару мисок и две вытесанные из найденного в развалинах «легкого» камня ложки. Достав последние, девочка развернулась к матери, наконец сумевшей-таки утвердиться в сидячем положении более-менее надежно.

– Кому отнесла? – тихо спросила мать, одновременно протянув дрожащие руки к миске с «тошновкой».

– Уважаемой Трубийе, – с готовностью ответила девочка. И пояснила: – Я больше никуда не успела бы. Да и к ней едва-едва. У нее, похоже, ночной заказ был, вот и задержалась.

Мать понимающе кивнула. «Тошниковки» традиционно закрывались с темнотой. Ну, если не было весомых причин поработать подольше, типа заранее оплаченного заказа или повеления, исходящего от держащей территорию банды... Ук передала ей ложку, и мать, пододви-

нув к себе одну из мисок, аккуратно зачерпнула гушу и осторожно, одними губами, втянула ее в себя, после чего блаженно зажмурилась:

– О-о-о... наваристая какая... с мясом...

– Только головы, хвосты и лапки, – улыбнулась девочка, сама торопливо работавшая ложкой. Самодельная ложка была неглубокой, и много в нее набрать было невозможно. Пустой желудок же требовал всего и сразу.

– И сколько она тебе пообещала?

– По две руки за «картридж», – сообщила Ук, не отрываясь от еды. – А принесла я полную упаковку. То есть... ну, не то чтобы совсем. Там несколько «картриджей» были погрызены. Но зато два – почти целые.

Мать скривилась.

– По две руки... вот жадный мангуст! Обычная такса – по три.

Следующие несколько минут они молча хлебали «тошновку», но уже неторопливо – с толком, с чувством, с расстановкой, смакуя каждую ложку. Несмотря на то, что наконец-то почувствовавшие пищу желудки яростно требовали – быстрее, быстрее.

– Уф-ф, – довольно выдохнула Ук, облизывая ложку, – наелась...

– Угу, – отозвалась мать, хрустя косточками попавшейся в ее миске крысиной лапки. – Ты у меня умница, доченька. – Она вздохнула. – Вот только я у тебя совсем расклеилась...

– Ничего, мамочка, – умиротворенно улыбнулась девочка. – Ты скоро поправишься. Все еще у нас будет хорошо. Я нашла укромный лаз в терминал. Никто не заметит...

– Ой, доченька, – вскинулась мать. – Не надо никуда больше ходить. И уж в терминал-то точно. Не дай Небесные тебя «желтоглазые» заметят. Да и незачем пока. На две руки дней нам есть что кушать, а остальное не больно-то и нужно.

– Есть зачем, мама, – упрямо нахмурилась девочка. – Тебе лекарства нужны. А ну как твоя нога сама не пройдет? А они сама знаешь какие дорогие. Сорок мисок на один раз помазать. Да и кое-что еще нужно. Я вон давно хотела ложки «прежние» купить, а не эти... – фыркнула Ук. «Прежние», то есть оставшиеся со времен до Смерти ложки были куда удобнее самодельных, но зато их нужно было очень тщательно беречь от света. Потому что если такую ложку просто бросить на улице, то буквально через две недели она полностью разрушалась до мелкого порошка. Почему те, кто жил до Смерти, делали их такими непрочными, в то время как многое из того, что осталось после них, было, наоборот, очень крепким, никто не знал. Ну не потому же, чтобы, как говорил этот выживший из ума Буж, они «не загрязняли природу». Как это ложки могут загрязнять природу? Их что, выбрасывали, что ли? Да кому вообще может прийти идиотская мысль выбросить ложку?! А чем он есть-то будет? А если и найдется такой дурак, то она ж и часа не пролежит – мгновенно подберут!

– Ох, заботушка ты моя. – И мать ласково погладила ее по голове. Ук засияла. Мать последнее время была совсем никакая – лежала днями, тихонько постанывая, но только если знала, что девочки нет рядом. Ук слышала ее стоны только потому, что как-то подошла к пологу очень тихо. Нет, не специально, просто тогда началась черная полоса, и девочка, возвращаясь из очередного не слишком удачного похода по Руинам, шла и думала, что делать. И, подойдя к норе, затормозила и остановилась, едва не уткнувшись носом в полог, из-за которого раздавались приглушенные стоны.

– Мамочка, ты ложись, отдохни, а я сейчас сбегая – миски отнесу.

У «тошниловки» былолюдно. Похоже, уважаемая Трубийя дождалась-таки тех, ради кого мучила поздний котел «тошновки». Заслышав гомон около точки питания, девочка, до сего момента несшаяся на всех парах, перешла на шаг, вытянув шею и опасливо оглядываясь. Голоса, доносившиеся со стороны «тошниловки», были громкими и возбужденными. А это могло означать, что те, кто в настоящий момент пользовался услугами уважаемой, успели хорошо принять «на грудь» моховой настойки. Ну, для аппетита. Ук остановилась, заколебав-

шись, стоит ли лезть в подогретую горячительным толпу, но потом, вздохнув, все-таки двинулась вперед. Трубийя выразилась абсолютно однозначно: «Чтоб сегодня же принесла!» – так что идти надо.

Она успела подобраться почти к самому котлу, когда чья-то жесткая рука по-хозяйски ухватила ее за ногу и дернула так грубо и сильно, что Ук на кого-то повалилась.

– Ого, ты смотри какая нежная цыпочка! – с пьяной радостью проорал кто-то, и девочка почувствовала, как все та же рука больно стиснула ее за ягодицу. – А вот я ее сейчас...

Ук испуганно пискнула и забилась, пытаясь вырваться, но в этот момент вторая рука скользнула ей за пазуху и...

– Бумм-м-м... – гулко разнеслось по Руинам.

– Ы-ых! – озадаченно отозвался голос.

– Бумм-м, бум-м-м... А ну отпусти ее, подонок!

– Э-эм, мамаша Трубийя, да чего ты...

– Бумм-м-м-м! – На этот раз звук был более громким, и державшие девочку руки бесильно разжались. Ук одним прыжком отскочила к котлу, спрятавшись за разъяренной хозяйкой «тошниловки», с крайне угрожающим видом помахивающей огромной поварёшкой.

– Вот что, уроды... Ежели кто до ребенка при мне хоть пальцем дотронется – тут же в котел на навар пушу. Как крыс. Понятно?

На несколько мгновений повисла недоуменная тишина, а затем... по ушам Ук ударил громогласный хохот.

– Ну, ты даешь, матушка Турбийя... а уж оружие-то у нее – страх Небес... да не бойся, никому эта худышка не нужна... ой, не могу, да она сейчас тут половину нашей бригады положит – вот Троивору убыток-то будет... да уж, с таким-то оружием и к «желтоглазым» сходить не страшно... а то... точно говоришь...

Хохотали долго и громко, но, как-то добродушно, что ли. Поэтому хозяйка «тошниловки» опустила воинственно поднятый половник и повернулась к Ук.

– И чего тебя Небесные принесли-то? Видела же, что я котел замутила, клиентов жду – так чего поперлась?

Девочка удивленно моргнула и пропищала:

– Но... я же... вы же сами сказали...

Уважаемая Трубийя раздраженно дернула щекой и пробурчала:

– Миски принесла? Кидай вон в ту кучу и быстро домой. Понятно?

На обратном пути девочку душили слезы, но она изо всех сил старалась справиться с ними. Мама не должна была их увидеть. Она так порадовалась ее сегодняшней удаче, не надо ее расстраивать... Около полога Ук остановилась и постаралась тщательно вытереть личико рукавом. Получилось не очень. Наоборот, размазанная грязь еще сильнее проявила то, что девочка недавно плакала. Так что оставалась надеяться только на темноту и на то, что мать, поев, забылась тяжелым сном.

Перед тем как войти в нору, она задрала голову и посмотрела на ночное небо. Где-то там, далеко-далеко, под охраной Небесных, находится место, куда после смерти попадают души хороших людей. Место, где нет горя, боли, голода и злости. Где все счастливы и довольны. Рай небесный. Киола.

Глава 2

– Девяносто две, девяносто три, девяносто четыре... все.

Иван спрыгнул с последней ступеньки лестницы и, повернувшись направо, сделал четыре шага вперед. Рука привычно нащупала глубокую выбоину и нырнула внутрь, погружившись почти до локтя. Легкий скрежет, и другая рука ныряет в еще одну выбоину. После чего несколько мгновений ничего не происходило, а затем откуда-то еле заметно потянуло ветерком. Иван сделал еще четыре шага в сторону, затем два шага вперед, дождался, когда сзади едва слышно прошелестело что-то очень массивное, и... зажмурил глаза. В следующее мгновение закрытые веки порозовели, пропустив внутрь небольшую толику вспыхнувшего вокруг яркого света. Иван подождал пару мгновений и осторожно приоткрыл глаза. Перед ним простирался широкий коридор, облицованный шестиугольными плитками, часть из которых представляла из себя световые панели, в настоящий момент заливавшие коридор светом. Шагах в ста впереди виднелся изгиб коридора, в стене которого темнел черный проем амбразуры. Иван повернул голову и протянул руку к одной из панелей, внешне ничем не выделяющихся среди других. Прикоснувшись к ней, он несколько секунд подержал на ней руку и быстро зашагал дальше.

– С возвращением Старший, – глухо донеслось из амбразуры, когда он приблизился к ней шагов на пять.

– Тиэлу, ты, что ли? В карауле сегодня? – чуть притормозил Иван, узнав голос.

– Я-я, – подтвердили из амбразуры.

– Кто на месте из Старших?

– Все, кроме Старшего Скорцени. Адмирал Ямамото сейчас должен проводить занятия по тактике, а Старший Розенблум – на главном складе.

– Ну конечно, где еще Банг будет торчать, – усмехнулся Иван и двинулся в сторону лифта. – Спасибо за информацию. Сменишься – заскочи. Я тут кое-что интересное обнаружил. Ну и прихватил для тебя.

– Спасибо... – донеслось до Ивана сквозь уже закрывающиеся двери лифта.

Четверо землян появились на Киоле почти четыре года назад. Эта звездная система отстояла от их родной голубой планеты на сотни тысяч световых лет. Виновником их появления здесь был величайший ученый этого мира – Алый Беноль, который выдернул их из самого пекла страшной войны, бушевавшей на Земле в этот момент. То есть не их самих, а их... суть, души, разумы – короче, нечто бестелесное, что позволило воссоздать их самих здесь, на Киоле. Воссоздать, поскольку, скорее всего, там, на Земле, все они погибли. Потому что по расчетам Беноля корректное «снятие» отпечатка разума человека возможно только в момент некоего сильного «всплеска», который Алый связывал со смертью. Конечно, это были всего лишь расчеты, не подтвержденные экспериментами, достаточно корректными для того, чтобы их результаты можно было считать доказательными. Но сам факт того, что из нескольких сотен попыток снятия таких отпечатков четыре оказались успешными, давал все основания считать их правильными. Да что там расчеты, один из землян – мастер-сержант Джо Розенблум совершенно точно знал, что он убит...

Беноль вытащил их потому, что перед его цивилизацией во весь рост встала проблема, которую он лично посчитал непреодолимой без помощи извне. Дело в том, что несколько тысячелетий назад эта цивилизация сделала серьезный выбор, провозгласив полный отказ от какого бы то ни было насилия и прекращение всяческой экспансии, следствием чего стала инволюция общества. Цивилизация «окуклилась», постепенно деградируя, но не замечая этого, поскольку это увядание затянулось на столетия. Люди жили совершенно свободно и счастливо, не зная насилия, болезней, серьезных конфликтов. И лишь Потеря заставила их содрогнуться и ошеломленно посмотреть вокруг...

Стагнация привела к тому, что к моменту Потери цивилизация занимала лишь две планеты родоначальной системы. Одна из них – Ола – являлась прародиной, а вторая, ее близнец – Киола – колонизированным миром, практически полностью повторяющим геоклиматические условия Олы. И вот в этот дремотный мирок откуда-то извне, из далеких глубин космоса, внезапно вторглись чужаки. И эти чужаки в отличие от хозяев не отринули насилия и не отказались от экспансии. При этом осуществляли они ее с пренебрежением к правам и законам хозяев.

Первым и самым значимым результатом этого контакта стало то, что Ола, колыбель цивилизации, была потеряна. Да и Киола смогла отбиться лишь чудом, ибо никакого вооружения и иных средств защиты у населения просто не существовало. Как, впрочем, и психологической готовности их применить. Так что даже те, кто смог использовать сфокусированные потоки энергии, чтобы уничтожить двигавшиеся уже в сторону Киолы корабли врагов, после этого сошли с ума. Ведь им пришлось совершить преступление, которое привело к смерти Деятельного разумного! Это... это оказалось невыносимо для психики людей, выросших в мире, отринувшем саму идею насилия. Поэтому Алому Бенолю стало ясно, что без помощи извне ни о каком возвращении Потери не может идти речи. Впрочем, это стало ясно не одному Бенолю, но остальные ясно осознавали гигантские трудности, которые необходимо преодолеть для того, чтобы только попросить помощь. Поэтому они, планомерно рассмотрев этот вариант и придя к выводу о его полной неосуществимости, выкинули подобные мысли из головы. А вот Алый Беноль – нет.

Первая встреча с теми, к кому великий ученый Киолы собирался обратиться за помощью, закончилась дракой, да что там дракой, настоящим боем, во время которого противники из всех сил старались убить друг друга. Голыми руками, поскольку никакого оружия у них в тот момент не оказалось. А что еще можно было ожидать от встретившихся лицом к лицу русского офицера войск НКВД, немца эсэсовца, американского еврея и японского адмирала, лично разработавшего план нападения на Перл-Харбор? Да еще только-только вырванных из самого пекла войны. Так что первая попытка Алого Беноля привлечь их к сотрудничеству в рамках своего проекта разлетелась, так сказать, вдребезги пополам.

Однако по прошествии некоторого времени, после того, как все четверо окунулись в общество Киолы и некоторое время прожили в нем, им стало ясно, что проект по возвращению Потери, который продвигала и воплощала в жизнь Симпоиса – руководящий орган планеты, составленный из наиболее успешных и талантливых ученых, архитекторов, артистов и спортсменов, не принесет ничего, кроме новой потери. Причем еще более тяжелой. Потому что та, первая, для большинства населения была неочевидна, хотя вина за нее лежала на них самих. Ну как же, они же во всем следовали самой гуманной цивилизационной парадигме, точно и верно сформулированной великим Белым Эронелем! Кто же мог знать, что спустя тысячелетия они столкнутся с таким?! Совсем как когда-то Европейский Запад, пройдя извилистый путь, полный крови, и переварив племена и народы, разрушившие Римскую империю, наконец-то обратился к истинно христианским ценностям и дремотно замер в стремлении достичь благодати... До того момента пока на немецкое, английское и французское побережья не спрыгнули с бортов драккаров косматые варвары в рогатых шлемах, и не застучали по мостовым городов бывших североафриканских и испанских провинций бывшей Римской империи копыта арабских скакунов. Как оно всегда и случается с цивилизациями, обменивавшими стойкость и готовность отвечать насилием на насилие, на комфорт и кажущуюся безмятежность жизни. Европа ответила на этот вызов появлением образа рыцаря, христианского воина, способного беспощадно разить врагов, но связанного обетами и моральным кодексом, в котором, попирая основной принцип своей религии «непротивление злу насилием», последнее – благословенно позволялось. В Киоле же – возникли Избранные. Однако они, в отличие от крестоносцев, по-прежнему являлись адептами пацифизма. И лишь четверо землян, неожиданно – в том числе

и для себя самих – появившихся на этой планете, могли понять, насколько этот, рожденный местной цивилизацией инструмент не соответствует предложенным условиям задачи...

– С возвращением, Старший, – поприветствовали Ивана и на нижнем посту. Система охраны Бункера, как стали называть место их нынешней дислокации, была организована строго, с немецкой основательностью, ибо занимался ею лично Отто.

– Спасибо.

Ивана не было в Бункере целых десять дней. Все это время он шлялся по руинам городов Олы, собирая информацию о происходящем и органические ресурсы для конвертеров. Это пока было единственным занятием «руигат» на этой планете. Ну, если, конечно, не считать обустройства базы и запуска производств, необходимых для дальнейшего разворачивания проекта по возвращению Потери...

После того как землянам стала понятна вся пагубность и бессмысленность плана Симпоиса Киолы, они решили согласиться с предложением Алого Беноля и попытаться если не изменить тот абсурдный проект, то хотя бы подготовить другой, свой, который будет иметь хоть какие-то шансы на успех. Потому что только они четверо на всей планете знали, что такое человек, посвятивший свою жизнь войне.

Алый Беноль, несмотря на гениальность, все-таки оставался продуктом своей цивилизации, давно забывшей, что такое насилие, поэтому разработкой нового плана занялись земляне. С одной стороны, попытка вчетвером противостоять агрессивной межзвездной цивилизации, сумевшей с легкостью захватить целую планету, казалось безумием. Но с другой... благодаря Бенолю в их распоряжении оказались ресурсы и промышленный потенциал Киолы. Ибо возможности ученых, получивших почетную «цветную» приставку к имени, были почти неограниченны.

К тому же после изучения информации, поступившей с орбитальных станций, управляющих энергетическими полями, благодаря которым Киола когда-то смогла защититься от вторжения, адмирал Ямамото, на чьи плечи легла разработка нового плана, пришел к выводу, что на Оле находится лишь малая часть тех вражеских войск, что приняли участие в ее захвате. Судя по полученным изображениям, агрессоры почему-то не стали брать под контроль всю территорию Олы, устанавливая на ней гражданское управление и возрождать ее промышленный потенциал, а тщательно разрушив все технологические объекты, а также транспортную и энергетическую инфраструктуру, закрепились в одном небольшом районе на побережье океана недалеко от экватора. После чего ими там было выстроено некоторое количество зданий непонятного назначения и... все. Так что, по подсчетам адмирала, для удержания и защиты этого района агрессору требовалось не более ста тысяч человек. А с учетом их развитых военных технологий, возможно, и куда меньше. И это положило начало проекту, названному «Руигат»...

Пройдя входной тамбур, Иван оказался в огромном зале, когда-то являвшимся одним из крупнейших вокзалов-хабов. В отличие от ее более молодой сестры – Киолы, основные перевозки на которой осуществлялись по воздуху, на Оле существовала разветвленная междугородняя сеть как наземного, так и подземного транспорта, представлявшая из себя густую паутину тоннелей, которая строилась и развивалась на протяжении нескольких сотен лет. Во время Потери, а также за годы, прошедшие после нее, сеть была по большей части разрушена, а сохранившиеся участки погребены под завалами. Даже этот хаб, разрушений у которого оказалось на удивление мало, несмотря на то, что располагался он под одним из наиболее крупных городов Олы, «руигат» сначала пришлось почти два месяца очищать от обломков и останков людей, то ли застигнутых в этом месте орбитальным ударом, то ли сбежавшихся сюда уже позже, во время вторжения, пытаясь спрятаться от безжалостных захватчиков. Но судя по тому, сколько здесь оказалось человеческих костей, сделать этого им не удалось. Так что кроме разбора завалов нужно было позаботиться о захоронении того, что осталось от нескольких сотен

тысяч человек, которые нашли здесь свою смерть. И несмотря на то, что все «руигат» уже прошли очень жесткую школу и смогли выработать достаточный уровень психологической устойчивости, вид такого количества погибших стал сильным ударом по их психике. Нет, к счастью, никто не сошел с ума и даже истерик было не так уж и много, но... Для людей, выросших в цивилизации, отрицающей насилие, умерщвление стариков, женщин, детей (а тысячи обглоданных местными хищными животными, очень похожими на мангустов, но с повадками скорее крыс и гиен, маленьких скелетиков не оставляли в этом никаких сомнений) оказалось огромным шоком.

– С возвращением, Старший!

– Рады видеть, Иван!

– Прими мою радость, Старший!

Землянин двигался по огромному подземному залу, сопровождаемый волной радости и уважения, накатывающей на него со всех сторон, улыбаясь и кивая головой остальным «руигат». Эти люди уже давно стали его соратниками, его друзьями, да что там – его семьей. Они уже через столько прошли вместе, а через сколько еще предстояло...

Проект «Руигат», получивший свое название по имени одного из самых сильных и страшных хищников планеты, предусматривающий как подготовку людей, так и возобновление производства оружия и военного снаряжения, начал было успешно претворяться в жизнь, но тут в дело вмешались интриги Главы Симпоисы – Желтого Влима. Будучи куда менее талантливым и авторитетным ученым, чем Алый Беноль, он сильно опасался того, что Алый выставит кандидатуру на пост Главы, а это практически неминуемо грозило Влиму утратой высокого положения. И потому Желтый тщательно отслеживал все действия Беноля. Вследствие чего Глава Симпоисы очень быстро узнал не только о том, что Алый затеял свой собственный проект по возвращению Потери, но и некоторые детали этого плана. И у него появилась возможность раз и навсегда избавиться от своего, как он считал, наиболее опасного конкурента... Да уж, величественная миролюбивая цивилизация Киолы оказалась не менее земной больна властолюбием. Влим затеял сложную многоходовую комбинацию, которая в конце концов привела к тому, что Беноль был обвинен в немыслимом преступлении – отходе от заветов Белого Эронеля и попытке разрушить основы цивилизации Киолы путем возвращения в нее самого темного и гнусного, что только может быть в человеке, – насилия.

Это привело к тому, что осуществление разработанного плана было остановлено, Алый Беноль был лишен «цветной» приставки к имени и подвергнут всеобщему ostracism, а трое землян и один из «руигат» – мастер Ликоэль были отправлены на принудительное лечение от насилия в изолированные клиники, по сути являющиеся пусть и очень комфортными, но тюрьмами. Казалось, все их замыслы потерпели крах. Но как выяснилось, адмирал Ямамото, за плечами которого была и дипломатическая служба, и карьера в Объединенном флоте и морском министерстве, не питал иллюзий относительно того, что проект сможет без помех дойти до своего окончания. И к тому же японец прошел ничуть не худшую, чем Желтый Влим, а куда более жесткую и опасную школу интриг и аппаратных игр. Вследствие чего ему удалось сначала избежать собственного задержания и принудительной отправки на «лечение», а затем вытащить из застенков своих «больных» соратников.

Но затеянный Желтым Влимом «процесс» над Алым Бенолем неожиданно для самого интригана не только окончился устранением конкурента, но и послужил началом совершенно неожиданных подвижек в социуме. Сначала, еще во время «процесса», разгорелась общепланетная дискуссия о том, является ли насилие абсолютным злом либо оно при определенных условиях все-таки допустимо. А, возможно, оно вообще естественно для человека... Эти обсуждения привели к таким масштабным встряскам в общественной жизни планеты, что Желтому Влиму да и всей Симпоисе в целом стало не до «руигат». Потому что никогда до сего

момента не сталкивавшиеся с проявлениями агрессии и потому лишенные к ней иммунитета киольцы внезапно в массовом порядке стали, как они это называли, «практиковать насилие».

Поначалу они делали это неуклюже, по-детски, с испугом и истерикой, но затем, когда осознали, что при полном отсутствии отпора могут получить очень и очень многое, у из них буквально «снесло башню». Потому что насилие в мире, где никто к нему не готов, становится такой магией, всевластьем, способом мгновенно и не напрягаясь решить любую проблему, добиться любой цели... А на Киоле не было ничего, что могло бы если не остановить, то хоть как-то контролировать захлестнувшее ее насилие, – ни армии, ни полиции, ни каких-то иных специальных служб, способных встать на пути волны жестокости. Более того, у членов Симпоисы даже не возникало мыслей о том, чтобы создать нечто подобное. Ибо в их представлении это означало встать на один путь с только что осужденным Бенолем – то есть допустить, что какому то ни было насилию можно придать легальный статус... Впрочем, даже если бы правители решились на немыслимое – это бы ничего не изменило. Потому что никому из «оставшихся нормальными» киольцев даже и в голову бы не пришло вступить в государственную организацию, «практикующую насилие», даже во имя общественного блага... Короче, ситуация на планете все больше и больше выходила из-под контроля Симпоисы, у которой напрочь отсутствовали идеи насчет того, как с этим можно справиться. И это привело к тому, что опальный проект «Руигат» получил шанс на дальнейшее развитие...

К тому моменту, как Иван добрался до дальней стены огромного пересадочного терминала, опоясанной несколькими уровнями балконов, адмирал Ямамото уже закончил тактические занятия. Об этом землянину сообщили ротные, толпой спускавшиеся навстречу ему по недавно отремонтированной лестнице, соединявшей ярусы вырубленных в стене помещений, занимаемых штабом... То есть будущие ротные. Пока еще в качестве командиров номинально числились земляне. Но у каждого из них уже было несколько «дублеров» из местных, которым предстояло передать весь свой опыт и знания. Потому что батальон должен был вскоре развернуться в полк. Ибо было совершенно понятно, что нескольких сотен «руигат» явно недостаточно для того, чтобы бросить вызов захватчикам Олы. Впрочем, увеличение численности воинского контингента планировалось еще на Киоле, но вследствие «заморозки» проекта из-за интриг Желтого Влима завершить подготовку бойцов, как планировалось первоначально, не удалось. И теперь наверстывать упущенное предстояло уже здесь. На Оле. Так как, невзирая на относительную немногочисленность захватчиков, соотношение сил пока не оставляло никаких шансов на победу. Но это только пока...

Адмирал был в классе.

– Иван! Рад, что ты вернулся. Садись. – Ямамото кивнул на стул, стоявший около стола, на котором лежали распечатки. – Сакэ? Или чай?

– Чай, – усмехнулся русский. – Сакэ угостишь после доклада. Спать крепче буду.

Адмирал не сделал ни единого движения и не издал ни звука, но спустя всего десяток секунд в дверях класса появилась Ители с подносом, на котором стоял чайник и пара стаканов. Иван с улыбкой приподнялся и легко поклонился девушке. У всех землян Ители вызывала не просто уважение, а настоящее восхищение. Потому что никто не мог понять, как в условиях созданной на Киоле, предельно индивидуализированной и сосредоточенной исключительно на собственном «я» цивилизации могло появиться подобное чудо. Человек, находящий счастье в том, чтобы жить рядом с кем-то другим и, по большей части, его интересами. Женщины часто считают, что мужчин привлекает в них красота, сексуальность, независимость и все такое прочее. Но это не так... То есть да, все это тоже есть. И мужик вполне способен *повестись* на шарм, яркость и бурные эмоции. Но ненадолго. Проходит время, и все то, что ранее так возбуждало и привлекало, начинает сначала напрягать, а потом и раздражать. Или даже бесить. И все, как говорится – прошла любовь, увяли помидоры. А вот с женщинами, рядом с которыми тепло и уютно, мужчина может прожить долго. Очень долго. Всю жизнь... Но на Киоле таких отчего-

то не было. Кроме Ители. Банг даже как-то проворчал, что «проклятому джапу оказалось мало Перл-Харбора, он нас и здесь в самом главном обскакал». Правда, сказал он это в те далекие времена, когда пара только сошлась и влюбленные притирались друг к другу...

– Значит так, – начал Иван, сделав глоток, – по данным, полученным от местных, в радиусе около ста километров вокруг нашего Бункера (как они теперь называли перестроенный хаб) имеется одиннадцать анклавов компактного расселения аборигенов. Из них семь относительно мелких – до нескольких сотен постоянных жителей, три крупных – в две-пять тысяч и один очень крупный – до ста тысяч. Он носит наименование Руины. То есть руин здесь, конечно, хватает, и разных, но вот это последнее поселение имеет такое название как имя собственное. За пределами указанного радиуса существуют и другие анклавы, но о них известно куда меньше...

«Руигат» находились на Оле уже почти два месяца.

Само десантирование прошло, как выразился Иван, «штатно». В отличие от остальных кораблей Избранных, которые специально спланировали, чтобы к моменту приземления их ожидало бы максимально возможное количество «зрителей», корабль «руигат» вошел в атмосферу на максимально возможной для более-менее безопасного полета в атмосфере скорости. Более того, при полете сквозь верхние слои автоматические сбрасыватели отстреляли около сотни «ловушек массы», представляющих из себя комки арматуры, полос и прутков из металла, из которого были сконструированы обшивка и силовой набор корабля. Причем их масса составляла почти треть от той общей массы, с которой корабль «руигат» вошел в атмосферу Олы... А над самой поверхностью планеты они резко затормозили (как выразился пилот, «до воя гравикомпенсаторов»), вследствие чего по океану, над которым и был проделан этот маневр, пришелся очень нехилый воздушный удар, вызвавший цунами. Так что их прибытие сопровождалось зрительными эффектами, ощущаемыми даже примитивными сенсорными комплексами. Всё это должно было убедить наблюдателей в том, что отслеживаемый корабль вошел в атмосферу, потеряв управление, и начал разваливаться еще в ее верхних слоях, закончив полет беспорядочным падением в океан...

На самом же деле «руигат» дождался ухода цунами и восстановления водного объема, после чего нырнул в глубину, где, перейдя на маломощный гравидрайв, со скоростью около двадцати узлов направился к дальнему от точки приводнения побережью.

Путешествие под водой заняло около шести суток, за время которых никаких воздушных поисковых аппаратов сенсорный комплекс корабля над океаном так и не выявил. И это, скорее всего, означало, что прорыв на Олу удался... Нет, шанс на то, что их все-таки засекли, конечно, оставался, но адмирал считал, что он крайне мал. Количество искусственных спутников над планетой было весьма незначительным. Причем по данным корабельных сканеров подавляющее большинство из них было построено по технологиям, использующимся и на Киоле. То есть, скорее всего, это были жалкие остатки орбитальной группировки Олы, разгромленной агрессором еще во время Потери, или просто сошедшие с орбиты вследствие истощения ресурса. А тот десяток спутников, чью принадлежность так и не удалось идентифицировать, надежно перекрыть наблюдением всю поверхность планеты точно не мог. Ну, если, конечно, враги не использовали какие-то невероятно продвинутые технологии. Но опасаться этого вряд ли стоило. По оценкам Симпоисы, захватчики Олы отставали от атакованной ими цивилизации как минимум на три технологических поколения. То есть если бы не категорический отказ от насилия, скорее всего, из их вторжения ничего бы не вышло. Но...

– Что ж, приблизительно это я и предполагал, – задумчиво произнес Ямамото, когда Иван закончил с докладом. – Значит, пора переходить к следующему этапу.

– К набору новой волны кандидатов в «руигат»? – уточнил Иван. Адмирал кивнул. Русский задумчиво отхлебнул еще чая и резким движением поставил чашку на стол.

– А мы-то сами готовы работать с такими кандидатами? Они же совершенно другие!

– Это так, – согласно кивнул адмирал. – Поэтому отбором будете заниматься не вы, а наши «руигат».

– Это почему еще? – удивился Иван. До сего момента выходцы с Киолы мало контактировали с местным населением, по большей части занимаясь картографированием и добычей органики для конвертеров. Поддержание же связей с аборигенами и сбор информации о происходящем в их среде лежали именно на землянах.

– Во-первых, потому, что теперь вы нужны мне здесь. Надо будет заканчивать монтаж промышленных модулей, разворачивать приемные структуры, готовить учебные планы... но главное – потому, что там, на Киоле, основной проблемой подбора людей было найти способных овладеть насилием. А здесь все наоборот. Здесь в той или иной мере насилие применяют все. Ибо оно – неотъемлемая часть их жизни. И выражается в таких формах, в которых на Земле случается только в условиях войн, стихийных бедствий или революций. – Ямамото в свою очередь сделал глоток чая, но не стал ставить чашку на стол, а оставил ее в руках. – На Оле – это повседневность. Они уже почти полтора столетия ведут борьбу за существование. Поэтому основным критерием отбора тут будет совершенно не тот, которым руководствовались на Киоле. Нам нужны кандидаты, которые, наоборот, способны *не действовать* насилием в те моменты, когда без него можно обойтись... – Адмирал сделал паузу, воткнул в Ивана проникновенный взгляд и произнес: – Услышь меня – не когда оно неэффективно, нецелесообразно или ненужно, а когда оно и эффективно, и целесообразно, и нужно, но при этом если существует возможность обойтись без него – человек будет обходиться без него. Понимаешь меня?

Русский задумчиво кивнул, потом хмыкнул.

– Кажется, понимаю... Ты считаешь, что наши ребята, изначально воспитанные цивилизацией Киолы и прошедшие через ад наших тренировок, смогут буквально печенкой почувствовать...

– Да, приблизительно так, – прервал его японец, поняв, что русский его услышал. – Если им правильно поставить задачу. И если такие встретятся им на пути.

– И где ж они такие здесь встретятся-то? – с явственно ощущаемым сомнением в голосе протянул Иван.

– Столько, сколько нам надо, конечно, не встретятся, – согласился Ямамото. – Но сколько-нибудь, я думаю, отыщем. Главное, чтобы нашлись эти сколько-нибудь... Ключевой вопрос в овладении насилием – умение его контролировать. И если с нашими ребятами нам удалось его решить, то с местными эти методики уже не подойдут. Они *совершенно* другие. И я очень сомневаюсь, что без некой системы «якорей» мы окажемся способны контролировать нашу армию. Будущую... – Тут он сделал паузу и неожиданно спросил: – Вот как думаешь, какая основная проблема возникнет на первоначальном этапе?

– Тут и думать нечего, – хмыкнул русский, – воровство. И побег. Столько ж вкусного на расстоянии вытянутой руки – сопри и ходу домой. Менять или даже продавать.

– Это – будет. Но не только. Еще они тут же попытаются разбиться на группы и начнут конкурировать между собой. Сначала за право считаться наиболее приближенными к нам, а потом...

– Да-а-а... – протянул Иван, – дела-а-а... я как-то об этом даже и не задумывался особенно. Все понятно было. Прилетаем, набираем людей, готовим их – и вперед. Еще и проще будет, думал. Этих-то учить насилию не надо. С детства полной ложкой хлебают. А тут вот оно как получается...

– Ладно, Ваня, – мягко улыбнулся Ямамото. – Иди отдыхать. Подробно по этому вопросу поговорим позже. Сначала в нашем узком кругу, а потом и в более широком. Проблема видна, осознанна, будем искать решение и переводить ее в задачу. А тебе еще раз спасибо. Хорошую работу сделал...

Когда русский ушел, адмирал откинулся на стуле и прикрыл глаза. Спустя пару мгновений на его веки опустились тонкие прохладные пальчики, принявшие осторожно их массировать. Исороку замер от удовольствия, а затем поднял руки и, ухватив пальчики Ители своими, нежно поцеловал их.

– Спасибо, милая.

– Ты совсем себя не бережешь, любимый, – грустно отозвалась девушка, высвобождая руки и продолжая массаж. – Я тебе уже давно приготовила реабилитационный комплекс симуляторов, аминокислот и витаминов, а ты все никак не сподобишься начать его применять.

– Сегодня вечером, – пообещал адмирал. – Непременно. У меня пока еще кое-какие дела, вот покончу с ними и сразу же... Ты же сама говорила, что после начала его приема нужно на три дня резко снизить нагрузки. Вот поэтому завершу неотложное, тогда и...

– Ты уже вторую неделю так говоришь, – грустно усмехнулась Ители. – А того не понимаешь, что всех дел все равно никогда не переделать. И как раз именно сейчас у тебя и есть «окно», как вы это называете. А вот когда пойдет новый набор, ты вообще про все забудешь. Даже как меня зовут...

– Никогда! – Ямамото возмущенно вскинулся. – Этого никогда не будет! Ты – мое счастье. А насчет комплекса... да, ты права – сейчас пока я действительно не так сильно загружен. Поэтому обещаю тебе, что сегодня же вечером приму первую дозу. Непременно...

Иван же, выйдя из класса, спустился по лестнице и повернул в тоннель, в котором находились общежития. Им после заселения нового набора предстояло стать казармами. Пока же здесь было занято только несколько комнат на втором ярусе. Все жилые отсеки располагались во внешнем входном портале тоннеля, который разветвлялся на три меньшего диаметра. В них и планировалось заселить новобранцев из батальонов со ставшими уже привычными для «руигат» названиями «Советский союз», «Рейх» и «Америка». А огромный зал входного портала должен был исполнять функции плаца.

Он уже подходил к лестнице, когда сзади раздался знакомый голос:

– О, hello, Иван! Давно вернулся?

– С час назад, старина, – расплылся в улыбке русский, разворачиваясь к Бангу. – А ты какими судьбами сподобился покинуть свою каптерку?

– Не каптерку, а оружейную комнату, – ухмыльнулся сержант Розенблум, вытирая руки куском уже не очень чистой ветоши. – Это ты все развлекаешься там, наверху – листиками любишься, птичек слушаешь, а мы все трудимся и трудимся, не разгибая спины. Как предки капрала Тэда Джонсона на хлопковых плантациях Южной Каролины. – Закончив с вытиранием, он скомкал ветошь, отшвырнул ее в сторону и шагнул навстречу, широко распахнув руки:

– Привет, дружище, как же я рад тебя видеть!

– Взаимно, сардж, – расхохотался Иван, обнимая друга за плечи.

– Ну что, пойдём присядем, – Банг подмигнул левым глазом, – обмоем твоё возвращение. Я только вчера выгнал свеженького бурбона. Ух, и духовитый получился... Линкей едва не проблевался, когда пробовал.

– Спасибо, но не сейчас. Я еле костями шевелю. Почти сутки не спал.

– А чего так? – удивился Банг.

– Да вляпался на поверхности в одну стычку с местной бандой, пришлось прорываться. Грязно. Вот они и взярились и попытались сесть на хвост.

– Проблемы? – тут же посерьёзнел Банг. Иван тихонько рассмеялся:

– От толпы, вооруженной лишь ножами и дубинками, не имеющей ни связи, ни транспорта, ни собак и никакого представления ни о тактике, ни о рукопашном бое... ты шутишь, что ли? Но не убивать же их всех поголовно? Так что пришлось побегать и поиграть в «кошки-мышки».

– М-да... – протянул сержант. – Сходить, что ли, тоже прогуляться? А то я уже здесь совсем закис.

– Ну, ведь с толком же, – усмехнулся Иван. – Ладно, старина, пойду я. Спать хочу – сил нет.

– Да, пошли-пошли, провожу тебя, а то еще где на лестнице свалишься и заснешь, – хмыкнул Банг. – Заодно и покажу, как мы тут все устроили.

– Старина, я...

– Ну, хорошо, расскажу. Ты же старый план размещения видел?

– А-ау... – зевнул Иван и кивнул. – Конечно.

– Забудь, – категорично заявил американец. – Теперь тут все по-другому.

– Все? То есть меня куда-то переселили? – удивился русский. – И куда же?

– Нет, наши комнаты все на месте. Хотя ты теперь их не узнаешь. Мы три дня назад запустили фимиллятор-преобразователь, так что теперь твоё уютное холостяцкое гнездышко имеет нормальную дверь, а ее стены обшиты облицовочными панелями. Ну да увидишь... А вот тоннели, в которых планировалось размещение учебных батальонов, очень сильно изменились. Там теперь будут не только казармы, ружпарки и каптерки, но еще и по полноценному тренировочному комплексу на батальон.

– То есть? Как вы все это впихнули-то?

– А вот так, – осклабился Банг. – Сразу после казарм начинается спортгородок почти на полмили длиной, потом полоса препятствий, а после нее в конце более-менее расчищенного участка тоннеля длиной от пяти до семи миль, который предполагается использовать для тренировочных марш-бросков, ну и в качестве полигона тоже, обустроиваем по полноценному стрельбищу.

– Иди ты! – восхитился русский и снова зевнул. – Уа-ау...

– Все, вижу, ты совсем никакой. Ладно – дуй спать. А как выспишься – найди меня. Посидим, выпьем.

Глава 3

– Закончила?

– Да, уважаемая, – кротко отозвалась Тэра, закрепляя прищепкой на веревке последнюю рубаху. Толстая тетка, одетая в выцветшие тряпки какого-то немыслимого розовато-сиреневого цвета, скептически сморщилась и, подойдя к вывешенной на веревке одежде, брезгливо зацепила ближайшую к ней рубаху и подтянула ее к своему носу. Несколько мгновений она придиричиво разглядывала ее, а затем фыркнула.

– Ой жалеешь песка, ой жалеешь...

Тэра продолжала молча стоять, убрав свои красные, облупившиеся от постоянного пребывания в холодной воде руки под фартук.

– И трешь-то как сильно! Вон, смотри, все рукава обтрепанные!

Тэра едва заметно скривилась. Ну вот что за люди? Определились бы сначала – то ли она песка жалеет, то ли, наоборот, пользуется им сверх всякой меры и потому ткань растрепалась? Но... это называлось «торговаться». И логика здесь была не главным. Главным было обвинить исполнителя работы в недостаточном... ну, или неразумно излишнем рвении, вследствие чего заказчику был причинен тот или иной ущерб, и на основании этого скостить ранее оговоренную цену. Для Тэры, выросшей и всю свою сознательную жизнь прожившей на Киоле, это умение было совершенно недоступным. Поэтому она просто стояла и ждала, когда с ней расплатятся...

Все пошло кувырком сразу. Корабли, несущие Избранных, планировали сесть на Олу в пределах области, которую, как считалось, после того, как была изучена информация с орбитальных станций управления энергетическими полями, контролируют захватчики планеты. Избранные же хотели воздействовать своим творчеством именно на них, не так ли? Вот к ним они и отправились... Но едва только корабли заняли низкую орбиту, собираясь погасить скорость и уже на следующем витке начать снижение и вход в атмосферу, как один из них взорвался. Это повергло всех в такой шок, что никто, даже команды кораблей не обратили внимания на информацию о совмещении траектории движения погибшего корабля и кинетического объекта, запущенного откуда-то из области приземления. То есть никто так и не понял, что корабль был сбит. Все посчитали взрыв результатом какого-то технического сбоя... А может, кто-то и обратил, но... не поверил! Такое просто не укладывалось в голове! Специально сделать так, чтобы погибли Деятельные разумные? Это же уму непостижимо! Нет, что такое насилие и как низко могут пасть люди, охваченные им, Избранные уже имели возможность лицеизреть. И не раз. Но разве люди, охваченные подобным безумием, могут пользоваться техническими устройствами и создать высокоразвитую цивилизацию? Они же совершенно не способны к созидательному труду! Вы же сами видели тех сумасшедших! А Избранные знали, что на Оле они точно столкнутся с цивилизацией, которая, как и цивилизация Киолы, владела возможностью межзвездных перелетов...

О-о, сколько жарких споров произошло по этому поводу еще во время подготовки. Сколько мнений уничтожено, сколько авторитетов низвергнуто в прах! Ну включите же логику, разуйте глаза – вот же они, охваченные насилием. Взгляните на то, что они творят – это действия состоявшегося Деятельного разумного? Да чушь! Насилие – это болезнь, морок, приступ безумия. И ничего больше! И не надо нам тыкать в нос нападением на Олу. Кто знает, что там действительно произошло сто сорок лет назад? Я лично считаю, что тогда была совершена какая-то трагическая ошибка, что две цивилизации, встретившиеся на просторах Вселенной, просто не поняли друг друга. А то и вообще произошел какой-то технический сбой, который потом объявили насилием...

Сама Тэра тысячи раз озвучивала эти либо подобные аргументы в дискуссиях с оппонентами, вследствие чего сумела даже себя убедить в том, что так оно и есть (это ложь, что в спо-

рах рождается истина – в спорах каждая из сторон всего лишь находит для себя все большее количество аргументов, обосновывающих свою собственную позицию). Чего же говорить об остальных, которые следовали за ней, в первую очередь руководствуясь верой в нее и гордое предназначение их великой миссии, а не логикой?

Но спустя пару минут взорвался второй корабль. А немного погодя и третий. И это уже никак не могло быть списано на техническую недоработку или трагическую случайность. Тем более что псевдоразумные ядра, на которых было завязано управление космическими летательными аппаратами и которым были недоступны способности человека к самообману, уже на втором взрыве соотнесли контакт кораблей с кинетическим объектом, направленным с поверхности планеты, после чего сразу же проинформировали свои экипажи и пассажиров о вновь идентифицированной опасности.

Сначала всех охватил ступор. Тэра почувствовала, что у нее похолодели руки, а сердце пропустило удар. Но затем кто-то истерически завопил:

– Они... они целенаправленно убивают нас!

И Пламенная почувствовала, что через мгновение центральный зал корабля будет ввергнут в неуправляемый хаос...

Корабли, построенные для доставки Избранных на Киолу, были спроектированы специально под эту задачу. То есть их конструкция была разработана таким образом, чтобы обеспечить Избранным прибытие к месту их Великого Подвига в максимально готовом состоянии. Поэтому внутренние помещения корабля, в которых размещались и Избранные и экипаж, больше напоминали не центр управления какой-нибудь сложной техникой, а концертный зал или амфитеатр, центр которого занимала большая сцена. Со всем свето-звучко-вкусо-запаховым комплексом концертного класса. Кроме того, над сценой висел большой голографический экран, на который по желанию могли выводиться и проекции приближающейся планеты, и изображения центральных залов других кораблей, и трансляция из зала Совета Симпоисы, большинство членов которой отодвинули все свои дела, дабы ощутить себя причастными к триумфу Избранных. Так что полет до Олы, длительность которого не должна была превысить семи часов, Избранные собирались провести в финальных репетициях, предоставив всем сопричастным и сопереживающим очередной раз насладиться великим мастерством лучших представителей своей планеты... Ну а экипажи кораблей, не только возложившие на себя бремя помощи Избранным, но и разделившие с ними все трудности и опасности перелета, имели возможность насладиться репетицией вживую. Поэтому на корабле не имелось отдельных кают для пассажиров, зато было устроено несколько десятков душевых кабин. Дабы уставшие и вспотевшие во время финального прогона Избранные могли бы привести себя в порядок перед своей столь важной для всей цивилизации Киолы и Олы премьерой...

И вот теперь все эти люди, скученные в одном большом помещении, оказались на грани паники, которая непременно начнется, если ее как-нибудь не пресечь. Тэра вскочила со своего места.

– Избранные!

Тысячи людей, находящиеся на разных кораблях и разделенные сотнями километров пространства, но объединенные совершенной системой связи, порождающей иллюзию присутствия, застыли, обратив свои взгляды на Пламенную. Она была их вождем, и они привыкли повиноваться и внимать ей.

– Они – больны! Мы знали это! И мы прилетели сюда для того, чтобы вылечить их. Зная, также и то, что прежде, чем мы победим их болезнь, многие из нас могут полатиться за это жизнью. – Тэра сделала небольшую паузу, после чего жестко приказала: – Корабли – вниз, как можно быстрее. Избранным – на танцпол. Разбиться на элементы рисунка танца. Начинаем сразу же по приземлении, в первое же мгновение... И – соберитесь! Они нас убивают, а мы будем стараться их спасти. Потому что мы – люди!

Пока они шли по посадочной глиссаде – было потеряно еще два корабля. Так что к тому моменту, когда оставшиеся достигли поверхности, большинство Избранных, несмотря на все свое мужество и усилия Пламенной, уже едва могли удерживаться на грани истерики... Нет, они готовы были погибнуть, но... красиво, величественно – вскинув очи к небесам и воскликнув нечто пафосное, вроде: «Ола, я отдаю свою жизнь за твою свободу...», причем после их гибели грязные захватчики непременно должны были все поголовно раскаться и пасть на колени с их именем на устах... ТАК готовы были погибнуть очень многие. Но вот взорваться вместе с кораблем, ничего не сделав, не успев даже ступить на землю древней прародительницы их цивилизации, не явив миру свое мужество и талант... это было неправильно, глупо, бездарно... да просто ужасно! Так что когда посадочные опоры коснулись поверхности, Избранные сразу же в панике ломанулись на выход. И только на трех кораблях, включая тот, на котором летела Тэра, экипажи и Избранные сумели сдержаться и сделать все так, как было отрепетировано.

Зрители – были. Они появились не сразу, но уже максимум через полчаса, за время которых Избранные успели хоть немного прийти в себя и встать в начальные позиции, а экипажи развернуть звуко- и видеопроекторы, все корабли оказались окружены людьми. В разных точках приземления их было разное число – где-то сотни, где-то тысячи. Разных. В основном это были жители Олы, но некоторые зрители явно принадлежали к захватчикам. Причем рядом с кораблем Тэры таковых, похоже, было большинство. И появились они практически сразу после приземления. Так что Тэре, в отличие от остальных, пришлось начинать буквально с колес...

Когда Избранные двинулись вниз по высадочной аппарели, захватчики уже поджидали их. То, что это не их бывшие соплеменники, было ясно сразу. Во-первых, они прибыли на небольшом летательном аппарате размерами немного превышающим стандартный «овал», но не имеющем его чистых форм. Он чем-то напоминал угловатую жабу с зубилообразным носом, из тела которой во все стороны торчали палки, трубы и иная трудно идентифицируемая ерунда. При первом же взгляде на этот аппарат становилось ясно, что его создатели не имеют никакого отношения к цивилизации Киолы. Настолько чуждо и отталкивающе он выглядел... Во-вторых, те, кто послужил причиной Потери, тоже выглядели чуждо и необычно. Начать с того, что они оказались очень разными по росту, весу и размерам. От крепких и стройных, чем-то даже похожих на киольцев, которые рождались, развивались и проводили жизнь под чутким надзором генетических корректоров и личных медицинских систем, до огромных либо, наоборот, излишне мелких уродов. Многие из них могли «похвастаться» массой признаков генетических сбоев – от залысин и папиллом на коже до кривых ног и столь же кривых зубов, в настоящий момент демонстрируемых всем окружающим с помощью скабрёзных усмешек. Единственным общим отличием всех пришельцев был необычный, ярко-желтый зрачок.

Все это настолько резало глаза, что Избранные на мгновение испуганно замешкались, но Пламенная проскользнула вперед и пошла впереди всех уверенным шагом, раскинув руки в сторону, обозначая этим для остальных место, на котором они должны выстроиться в начальную позицию.

Это было непросто. Тэра физически ощущала разлитое в воздухе напряжение, и то, с каким усилием ее ребята преодолевают свой страх и волнение, настраиваясь на... нет, не на танец, а на победу. Потому что как же может быть иначе?! И когда воздух наполнили первые аккорды, Пламенная внезапно осознала, что сегодня она станцует свою лучшую партию. Потому что только вот так, вознесясь над собой прежней, можно обрести шанс на успех. А потом ее захватила мелодия и понесла, понесла, понесла...

Когда музыка закончилась, она не сразу поняла, что все, что композиция исполнена и что она действительно сегодня достигла своей вершины. Тэра медленно подняла голову и воткнула взгляд в столпившихся напротив нее чужаков. Несколько мгновений ничего не происходило, просто стояла возвышенная, звенящая тишина, а потом... потом эти «желтоглазые» загомо-

нили, заорали, заулюлюкали, захлопали себя по ляжкам и засвистели. Пламенная на несколько мгновений растерялась, но затем до нее дошло, что они вот таким немудрящим образом выкаывают свой восторг, и она польщенно улыbnулась. Да! У них получилось!

Азвизаргда звездни! – заорал кто-то из «желтоглазых». И остальные тут же подхватили: Замзганзы!.. Давизивегда згруд!.. Азвизадно бзагда дзивзанзы изд!..

Тэра слегка поморщилась, потому что еще на корабле переключила автоматический переключик на трансляцию и сейчас не могла понять, что они там орали, а затем, подождав, пока восторги немного утихнут, сделала шаг вперед и, улыbnувшись, открыла рот, собираясь сказать, что они пришли с миром, что люди Киолы хотят, чтобы все плохое, что было раньше, осталось в прошлом... но не успела. Потому что из толпы выскочил невысокий, крепкий тип с масляными глазами и... схватил ее за грудь.

– У-у вzag дзагизара! – взревел он и второй рукой отвесил ей могучий шлепок по ягодице. – Заграмздар-рра! Узремуз дузга граздинар, – с этими словами он глумливо осклабилсЯ и сделал несколько движений тазом назад-вперед. Тэра вспыхнула и гневно отшатнулась, вывернувшись из его рук.

– Как вы смеете! – возбужденно начала она. – Не трогайте меня! Вы... вы...

Мужик недоуменно нахмурился, а затем выбросил вперед руку и, ухватив ее за волосы, резко дернул, повалив на колени.

– Пламенная!!! – рванулся к ней Висиль, сразу же попытавшись вырвать ее из рук «желтоглазого». Более того, он... он... он толкнул его! Плечом!!

– Нет, Висиль! – испуганно вскрикнула Тэра. – Не надо! Не смей поддаваться этому!

Юноша испуганно отшатнулся и густо покраснел.

– Простите меня, Пламенная, я просто... – Что он просто, Тэра так и не узнала. Потому что «желтоглазый» не стал толкать его в ответ, а криво осклаившись, сорвал со своего пояса какой-то небольшой предмет и...

– Не-е-е-ет!!! – Пламенная упала на песок, вцепившись зубами в кулак, чтобы болью заглушить охвативший ее ужас. Как?! Как они могли? После их танца, после всего, что она и ее ребята смогли показать в своей композиции! Он... этот... голова Висиль буквально взорвалась, выплеснув целый фонтан крови. А его обезглавленное тело, простояв еще пару мгновений, плашмя рухнуло на песок. Это... это было ужасно, чудовищно, немыслимо! Тэра перевела свой застилаемый слезами взгляд с тела юноши на стоящих перед ней... Сейчас у нее язык бы не повернулся назвать их людьми и... О, господи! Они... они... Пламенная моргнула, потом еще, затем вырвала изо рта прикушенную руку, так и не разжав зубы и содрав себе кожу на пальце, и смахнула слезы. Нет, ее глаза ее не подвели. Они смеялись!!!

– Бе... гите... – хрипло прошептала Тэра, с трудом выталкивая слова из пересохшего горла.

– Что?.. Как?.. Что ты сказала, Пламенная?

– Бегите! – изо всех силы закричала глава Избранных. – Бегите, или они убьют всех!!!

– Ну что стоишь молчишь? – сварливо поинтересовалась ее толстая нанимательница, вырывая Племенную из тягостных воспоминаний. – Сказать, что ли, нечего? Ну зачем было так тереть-то? Это ж на вас вообще никакой одежды не напасешься! Вся в рванину уйдет. Сплошной убыток!

– Мы стирали как обычно, уважаемая, – негромко подала голос Тэра.

– Как обычно? Как же... – Толстуха фыркнула и ожгла бывшую главу Избранных злым взглядом. – Да такие, как вы, только задницей перед мужиками крутить могут, а не дело делать. Ишь умная нашлась... А я говорю – слишком сильно терли! И потому я вашу оплату урезаю. Не двадцать мисок «тошновки», а-а-а... шестнадцать! Понятно? И на большее даже не рассчитывать!

– Нам нужно двадцать, уважаемая, – упрямо набычив голову, произнесла Тэра. – И мы на столько и уговаривались.

– Да мало ли о чем мы уговаривались?! – добавив в голос децибел, заорала дебелая нанимательница. – Да мне плевать, о чем мы уговаривались! Сделали бы дело правильно – получили бы уговоренное! А тут... Да вы посмотрите, люди добрые, что же это делается? Да с такой работой они меня вообще по миру пустят! Вот же рубаха – почти новая была, а теперь куда ее? Только на тряпки!

– Мы договорились на двадцать, – глухо произнесла Тэра, а затем мотнула головой своим девчонкам. Те шустро подскочили к веревке, на которой было развешена выстиранная одежда, и вцепились в нее.

– А если вас не устраивает наша работа, – продолжила между тем Пламенная, – то что ж, мы можем вернуть все, как было. Сбросим бельё на землю, потопчемся на нем – и дальше нанимайте какого хотите.

– Стой! – завопила тетка. – Не смейте! Да я вас за это...

Тэра мотнула головой, и девчонки принялись быстро сдергивать вещи с веревки.

– Все-все, ладно, ладно, двадцать – так двадцать! – торопливо заверещала толстуха.

– Двадцать четыре, – холодно произнесла Тэра. У толстухи округлились глаза.

– Ах ты дрянь! – истерично заорала она. – Да знаешь, что я с тобой сейчас сделаю? Да ты у меня... Стой! – завопила она, увидев как девчонки подняли кипы с сырой одеждой над головой, нарочито примериваясь, куда бы их зашвырнуть, чтобы уж с гарантией. – Хорошо, хорошо – двадцать четыре! Вот, берите, – она сунула толстую ручищу внутрь своего необъятного бюста и выудила оттуда несколько белых кружочков. – Вот здесь... здесь хватит даже на двадцать пять порций... ай! Суки!

Это назвалось «деньги». На самом деле, скорее всего, когда-то давно это были какие-то технические устройства, возможно, контрольные голокамеры или многофункциональные датчики. Пламенная вроде как смутно припоминала, что встречала на Киоле нечто подобное. Впрочем, именно припоминала и именно смутно. Просто ее интересы лежали далеко от любых инженерных вопросов, хотя членство в Симпоисе, конечно, серьезно расширило ее кругозор. Так что кое с чем из научно-технической области она была знакома. Но именно кое с чем... Здесь же эти кружочки стали всеобщим обменным эквивалентом – примитивным аналогом общественной благодарности. Причем они требовались для получения буквально всего – пищи, воды, одежды, жилища... Вернее, нет, не совсем так. Жилище можно было получить и бесплатно, но ни у кого бы не повернулся язык назвать такое место хотя бы минимально безопасным. Каждого находящегося в таком даровом пристанище в любой момент времени могли ограбить, убить, изнасиловать или сделать калеккой. Причем не потому, что он совершил что-то, хоть как-то оправдывающее подобное отношение, или был в чем-то виновен. Нет! А всего лишь потому, что случайно оказался на пути кого-то более сильного. А вот за безопасность, пусть и относительную, уже нужно было платить. Хотя и не всегда деньгами – работой, вещами, услугами, да хоть собственным телом, если оно привлекло кого-то из сильных мира сего. Более того, здесь, в Руинах, так чаще всего и происходило. Потому что этих маленьких белых кружочков, именуемых «деньгами», было не слишком-то и много. И обладание ими означало не только то, что у тебя есть некий условный эквивалент, который можно обменять на все что угодно, а и... некую толику власти и влияния.

Тэра шагнула вперед и, ухватив тонкими сильными пальцами белые кружочки, выдернула их из руки толстухи. После чего отошла подальше от нее и кивнула девчонкам. Те живо накидали стиранное обратно на веревку и подбежали к Пламенной.

– Благодарю вас, уважаемая. Рада, что вы столь высоко оценили наш труд. Надеюсь, в следующий раз, когда вам понадобятся услуги прачек, вы снова вспомните о нас, – после чего

мотнула головой девушкам и, развернувшись, быстрым шагом двинулась прочь от хозяйки ночлежки.

– Да чтоб тебя крысы подрали! Да чтоб у тебя язык отсох! Да чтоб тебе через срамную щель в чрево мангуст забрался и все там выгрыз! Да чтоб я еще раз вас... – Злобные крики толстухи еще долго неслись в спину девушкам. Но никто из них не обращал на это внимания. А шедшая впереди Тэра напряженно размышляла о том, как долго еще будет аукаться им их первая ошибка. Ну... когда она растерялась и не смогла ничего ответить на самый-самый первый наезд, вследствие чего нанимательнице удалось в два раза уменьшить им оплату за работу. С того момента прошло уже более двух месяцев, но их до сих пор каждый раз пытаются нагнуть и развести. Каждый раз! Пламенная горько усмехнулась. Ну вот, уже и говорить начала так, как принято здесь, в Руинах.

Они отошли от ночлежки уже шагов на триста, когда ее догнала Тивиль, одна из ее девушек-прачек.

– Тэра, а что ты собираешься делать с деньгами? – осторожно спросила она, поравнявшись с ней.

Пламенная вздохнула.

– Извини, но, похоже, сегодня нам всем придется поголодать. Раз уж у нас появились деньги, я собираюсь пригласить к ребятам местного лекаря.

Но, к удивлению Тэры, личико Тивиль озарилось радостью.

– Ой, как здорово! Я и сама хотела это предложить! Так больно видеть, как ребята страдают...

Их маленькая команда состояла из одиннадцати человек. Шесть девушек и четверо юношей. Плюс она. Трое парней и одна девчонка все никак не могли оправиться от ран, которые получили в тот злополучный день.

Они выжили чудом... Вернее, чудом было то, что они выжили и остались свободными. Если к той жизни, которую они влачили уже более двух с половиной месяцев, можно было применить это слово. Ибо когда его произносил любой киолец, он имел в виду возможность заниматься любимым делом, не напрягая при этом голову размышлениями о том, где спать, что есть и что надеть. Здесь же, на Оле, свободой считалось просто иметь возможность выбрать, чем ты сегодня заработаешь на миску «тошновки» – той же стиркой или... тем, что тебя, пусть и с твоего согласия, изнасилует какой-нибудь бандит. Причем даже такая «свобода» была у очень и очень немногих... Но как бы там ни было, они остались живы после того, как «желтоглазые» начали стрелять по разбегающимся в разные стороны Избранным. И более того, за все это время пребывания в Руинах умудрились не умереть от голода и могли выбирать. А едва ли не большая часть тех, с кем они прилетели на Олу, такой возможности, скорее всего, была лишена. Ну если у остальных все прошло похоже на то, как прошло у них... Впрочем, несомненно, кое-кто непременно спасся и там. Но вот повезло ли им позже...

А у корабля Пламенной «желтоглазые», быстро и безжалостно убив около полутора десятков человек, принялись хватать тех, кто испугался и, вместо того, чтобы уносить ноги, рухнул на песок, зажмурил глаза и закрыв голову руками. И вот пока они вязали этих, остальным, тем, кто послушался Тэры и бросился прочь, удалось-таки удалиться от места посадки достаточно далеко, чтобы убийцы поленились их разыскивать. Что те сделали с пленниками – Пламенная не знала. Но у нее до сих пор звучали в ушах дикие крики тех девушек, которых захватили там, на месте посадки...

В тот день Тэра бежала, пока были силы. Когда она, обессилев, упала на кучу обломков, заросшую мелким и жестким кустарником, корабль, на котором они прилетели, уже было не разглядеть. Хотя он возвышался над той площадкой, на которую он приземлился, на высоту не менее десятка человеческих ростов. Так что видно его должно было быть, по идее, с расстояния нескольких километров. Впрочем, в Руинах дальность обзора была весьма ограничена.

Хотя в тот момент она даже не подозревала, что находится в Руинах... Через десять минут, когда Пламенная сумела наконец-то отдышаться и осмотреться, выяснилось, что рядом никого нет. Совсем никого – ни ее ребят, ни местных. Она металась вокруг, пытаясь обнаружить хоть кого-то, а затем повалилась на землю и, прижав пальцами виски, даже не застонала, а завывала. Ну, зачем, зачем она убежала?! Ну почему ее охватило это никчемное безумие, не позволившее ей умереть там... вместе со всеми?! Да, это чудовищное, ничем не спровоцированное и начавшееся так внезапно, без каких-либо внешних начальных признаков дикое насилие совершенно выбило ее из колеи. Ввергло в абсолютную панику... Неужели ученик Алого Беноля был прав? Неужели все ее аргументы, которые она использовала в дискуссиях с ним и его сторонниками, были всего лишь попытками выдать желаемое за действительное? Самообманом. Нежеланием видеть реальность. И ведь это она, ОНА привела Избранных на Киолу. Она отдала их в руки этим... этим... После всего произошедшего Пламенная была не способна называть этих... этих... людьми. Пусть даже и больными. Это были чудовища, исчадия, твари, но не люди!

Где-то через полчаса Тэра сумела-таки взять себя в руки. Так, хватит сожалеть и истерить! Запаниковав и убежав, она уже пала так низко, что дальше некуда. Поэтому сейчас надо отставить слезы и... вернуться, вернуться туда, к своим товарищам. И разделить с ними их судьбу. Она ДОЛЖНА вернуться обратно и... будь что будет!

И она вернулась. Но было уже поздно. Ни «желтоглазых», ни ее ребят уже не было. Только полтора десятка мертвых тел, которых никто не стал хоронить и обгоревшая, покосившаяся туша корабля...

Сначала Тэра хотела убить себя. Вариантов было несколько – от петли до удара в сердце чем-то острым... Но в конце концов к исходу третьего дня она остановилась на падении с высоты. Нет, не по каким-то эстетическим соображениям. Просто за все то время, которое Тэра провела одна, она так и не нашла ни веревки, ни чего-то достаточно острого, что сумело бы быстро пробить плоть. Хотя она пыталась. Но не смогла пересилить боль от погружения в тело слишком тупого прута...

Вечером третьего дня, когда Пламенная, почти впад в сомнамбулическое состояние, потому что она не была способна уснуть, едва только закрывала глаза, как перед ней вставала картина взрывающейся головы Висилия либо полутора десятков мертвых тел, а в ушах постоянно звенели крики девушек, насилуемых «желтоглазыми» прямо там, на песке, рядом с еще не остывшими трупами их товарищей. Когда Тэра брела по направлению к каким-то возвышающимся над местностью развалинам, она была остановлена восторженным выкриком:

– Пламенная!!! Как хорошо, что мы тебя встретили!

Это оказались семеро из Избранных – четыре девушки и трое юношей. Они были с другого корабля и тоже разбежались поодиночке кто куда, но затем им повезло отыскать друг друга. Трое из них – две девушки и один юноша оказались ранены, причем одна – Ослонэ – довольно серьезно. Она успела удалиться от места трагедии всего на сотню шагов, после чего в нее попали, прострелив грудь. Ранение оказалось настолько серьезным, что подняться она так и не смогла. Но несмотря на это, никто из «желтоглазых» к ней так и не подошел. Ни для того, чтобы захватить в плен, ни для того, чтобы добить. Хотя девушка рассказала, что слышала, как они ходили рядом.

Именно она, кстати, и рассказала, что творили «желтоглазые» с захваченными в плен девушками из числа Избранных...

Эти ребята ее и спасли. Нет, никто не окружал Пламенную заботой, не подносил еду и не проводил с ней сеансов психотерапии. Наоборот! Это Тэре сначала потребовалось успокоить молодых людей, потом оказать им хоть какую-то помощь. Значимо раненных было только трое, а остальные все в порезах, ушибах и ссадинах. У двоих оказались заметно изранены ноги, потому что они умудрились во время бегства потерять обувь... А для киольцев, выросших в

абсолютной безопасности, обеспечиваемой постоянно носимым личным щитом, даже малая царапина была настоящим бедствием. И наиболее частой реакцией на нее был шок. Впрочем, количество причин для шока у всех присутствующих заметно превышало число ссадин... Затем их надо было хоть как-то накормить и напоить. Ну и найти место, где можно было заночевать, не опасаясь того, что снова объявятся «желтоглазые», ведь после побега они засыпали там, куда добрались. И за всеми этими заботами, которые и были свалены молодым поколением на плечи своей Главы и члена Симпоисы, желание покончить жизнь самоубийством у Тэры как-то потихоньку потускнело...

Спустя два дня им встретились еще четверо – сначала две девушки, а потом один за другим двое юношей, чье физическое состояние было ничуть не лучше, а психологическое как бы даже не хуже, чем у первой семерки в момент встречи с Пламенной. И на Тэру навалилось еще больше забот. Так что мысли о смерти окончательно выветрились. Этим ребятам нужна была помощь, причем здесь и сейчас, а о вине и искуплении можно будет подумать немного позже.

Ну а когда к концу недели утром не проснулась Ослонэ, отчего ее команда снова, поголовно, впала в отчаяние, Пламенная решила, что – шиш, не дождутся! Она будет жить. Назло убийцам. И сбережет всех тех, кого сумеет найти. Тем более что у нее была надежда. Ибо Тэра помнила, что ОН сказал ей при расставании: «Слушай, что бы с тобой ни случилось там, на Оле, помни – я приду за тобой...»

Когда столь удачно получившие оплату за свой труд прачки добрались до того района, в котором обжилась их маленькая община, уже начало темнеть. За десяток шагов до обустроенной ими норы Тивиль резко ускорила и первой нырнула под перекрывавший вход типичный для Руин полог, сделанный из набросанных одна на другую грязных и рваных тряпок.

– Привет, ну как вы тут? – послышался изнутри ее звонкий голосок.

– Плохо, – отозвалась Эмерна, оставшаяся ухаживать за ранеными, – у Троеката снова загноилась нога. А Первей впал в забытье...

И как раз в этот момент к норе подошла и сама Тэра. Привычным движением наклонившись вбок и одновременно отводя рукой толстый, обтрепанный полог, она скользнула внутрь.

Внутри было... тесно. И темновато. Потому что горел только один фитиль, плавающий в плошке с топленным крысиным жиром. Эмерна сидела у дальнего ложа, которое занимал Первей, с чашкой вонючей мутной воды, в которой плавала пара истрепанных тряпок. Еще одна в настоящий момент лежала на лбу тихонько стонущего Первея. Тивиль же присела в ногах у Троеката и смотрела на его бледное, искаженное мукой лицо.

Тэра прикусила губу, но затем переборола себя и произнесла делано-радостным тоном:

– Ничего, у нас появились деньги, поэтому Тивиль и Анакроет сейчас же побегут за лекарем.

– Деньги? Откуда? – удивилась Эмерна, разворачиваясь к ней.

– Сегодня нам заплатили за работу несколько лучше, чем обычно, – все тем же бодрым тоном произнесла Тэра...

Тивиль и Анакроет вернулись, когда уже совсем стемнело. И сообщили, что идти «на ночь глядя» лекарь отказался наотрез. Велел приходить утром. Но не слишком рано.

На следующий день лекаря удалось притащить только ближе к обеду. Это оказался невысокий, кривоногий тип с плешью на макушке, лицо которого было покрыто густой, спутанной бородой. Когда он, зевая и яростно почесывая голову, нарисовался около их обиталища, Пламенная была уже на грани бешенства.

– Ну чего тут у вас? – лениво поинтересовался лекарь.

– У нас тут страдающие люди, – ядовитым тоном сообщила ему Тэра, явственно выделив голосом последнюю пару слов.

– Хм, тоже мне новость... – хмыкнул лекарь. – Да мы все тут – страдающие. С момента прихода «желтоглазых»... Ладно, показывайте, кто у вас тут болен.

Пламенная откинула полог. Бородатый плешивец брезгливо скривился и шагнул внутрь.

– Хе-хе-хе, да они, похоже, на тех гадов и нарвались, – рассмеялся он после того, как деловито разматал тряпки, которыми были обмотаны раны ребят. – Ну-ка, ну-ка... Хм... Так, так... Ух ты... Хм-м-м...

– Ну как, сможете помочь? – спросила Тэра, когда лекарь, закончив осмотр, выбрался наружу.

– Конечно, – хмыкнул тот. – Только это будет стоить вам...

– Вот, – Пламенная протянула ему «деньги». Лекарь недоуменно уставился на них. Некоторое время он молча разглядывал лежащие на ладони Тэры кружочки, а потом спросил:

– Что это?

– Это – деньги! Вы требовали денег – вот они.

– Это – деньги?! – Лекарь брезгливо фыркнул. – Вот тупые бабы! Я говорил о *деньгах*, а не о жалких грошах. Что вы мне суете? Да этого не хватит на руку рук «тошновки». Короче, это я заберу за то, что вы сдернули меня с места и притащили сюда. Потратив время на вас, я не обслужил других пациентов и потерял хороший доход, поэтому...

– Неправда! – вспыхнула Тивиль. – Не было у вас никаких пациентов. Вы просто валялись на доске в своей вонючей норе и курили какую-то дрянь.

Лекарь развернулся и уставился на девушку. Возмущенная, с горящими глазами и румянцем на щеках, она выглядела чудо как хорошо. Несмотря на то, что одета была в ворох тряпок.

– Хм, это неважно. Клиенты могли подойти в любой момент. А меня на месте нет! – Тут он прищурился, окинул стоящую перед ним Тивиль масляным взглядом, и его глаза влажно заблестели. – Впрочем, я, пожалуй, могу вам помочь. Если... если и вы кое-что сделаете для меня. Ну... кое-кто из вас.

– И что же ты хочешь?

– А вот ее! – Лекарь криво осклабился и ткнул пальцем в Тивиль. – Даст мне – буду лечить. Нет – шиш вам, а не лечение. Понятно?

Глава 4

– Эй, ты, а ну подь сюды!

Ликоэль опустил палку, которой пытался отделить от стены кусок съедобного... ну, условно съедобного мха, и, повернувшись, недоуменно уставился на окрикнувшего его бандита.

– Это вы мне, уважаемый?

– Да-да, тебе, ушлепок.

Ликоэль шмыгнул носом, вытер его рукавом грязной накидки и двинулся в сторону бандита.

– Ты палку-то брось, – ощерившись щербатым ртом, презрительно-ласково посоветовал тот, угрожающе похлопывая по ладони увесистой дубинкой. Ликоэль пожал плечами и выпустил палку из рук. Толку-то с нее...

– Вам, уродам «вольным», сколько раз уже говорили... – начал бандит, крайне неуклюже с точки зрения одного из «руигат» замахиваясь дубинкой, – что это место... Ыых!

Бандитов было трое. Крупные мужики с накачанной мускулатурой и, судя по шрамам, украшавшим их морды, сломанному носу того, кто обратился к Ликоэлю, к драке явно привычны. Все вооружены палицами, один конец которых был грубо окован металлом. Они пялились на Ликоэля насмешливым, но настороженным взглядом...

Так что «руигат» даже не запыхался.

– Все-все, «зверь», извини, извини, не узнали, – торопливо забормотал единственный оставшийся в сознании бандит, даже не пытаясь подобрать выбитую из его рук дубинку, – думали, «вольняшка» оборзел... Все-все-все, сейчас уйдем...

– Как ты меня назвал? – удивился Ликоэль.

– Ну, это... – смутился бандит, – нам-то откуда знать, как вы себя кличете? Вот и решили «зверями» именовать. Но мы ж и по-другому не против. Вы только скажите, как надо – а я мужикам передам.

– Так-так, – усмехнулся «руигат», присаживаясь на корточки перед бандитом. – Давай-ка подробности.

– Какие?

– Почему ты считаешь, что я из каких-то там «зверей», и как давно они объявились? Короче, все, что ты о них знаешь. И поподробнее.

– Ну да, ну да... – угодливо кивая, забормотал бандит. – А насчет «зверей» – ну... начались тут не так давно странные дела. Принялись по Руинам шляться какие-то мутные типы. Вроде как по одежде и манерам обычные «вольняшки», но если их тронешь – то так вломят, что никому мало не покажется. И самое удивительное – все бродят вроде как поодиночке. На территорию не претендуют. «Точки» под свою руку не берут. Данью никого не обкладывают. Чего хотят – непонятно. Почти все банды пытались их прошупать – бесполезно. Наезд реагируют резко, но убивать не любят. По слухам, грохнули всего человек восемь. Причем умело, но как-то нехотя. И только тех, кто совсем уж оборзел. По этому поводу вожаки даже сходку собирали, но либо ни о чем не договорились, либо договоренности оказались такими секретными, что нас, бойцов, в них решили не посвящать.

– Хм... а с чего ты взял, что я из них? – поинтересовался Ликоэль. Бандит осклабился.

– Так ты вон как нас всех на раз положил – и даже не запыхался. И кто ж ты тогда можешь быть?

– Логично, – кивнул «руигат» и, поднявшись, пнул два валяющихся тела. – Вставайте уж. Вижу, что очухались, – а потом повернулся к собеседнику. – Значит так, нам ваши шебуршания совсем не интересны. А наш интерес вас совершенно не касается. Пока. Если коснется –

предупредим. А в настоящее время просто не мешайтесь под ногами. Целее будете. Сами же поняли, что вы для нас ни разу не противники, а убивать мы умеем. Хотя – да. Не любим. Без пользы. И если не требуется кого-то проучить. Вот и не нарывайтесь.

– Дык это... мы ж не против, – отозвался бандит. – Только как вас от «вольняшек» отличить-то? Вы ж пока буяннить не начнете – точь-в-точь как они. Вы уж там какой знак, что ли, придумайте – и тогда уж мы ни-ни, даже смотреть в вашу сторону не будем.

Ликоэль мотнул головой.

– Нет, не будет пока никакого знака. Так что выкручивайтесь как сумеете. – После чего повернулся и, уже двинувшись от все еще сидящих на земле бандитов, добавил: – И... называйте нас не «звери», а «руигат».

Когда этот непонятный «руигат» скрылся из виду, мужик со сломанным носом вздохнул и потер крепкими толстыми пальцами свой мощный загривок.

– Вот ведь урод! – пробурчал он. – Как сильно приложил-то... Теперь шея два дня болеть будет.

– А какого ты на него полез, Сляба? – зло зыркнув на него, спросил другой бандит. – Или не почувал, что с этим... лучше не связываться? У тебя ж всегда чуйка лучше всех нас была.

– Почуял – не почувал, – угрюмо отозвался Сляба. – Что он больно борзый – почувал. Что нас ни в хрен не ставит. Что этот мох съедобный ему на хрен не нужен, и он им занялся только чтобы мы на него не отвлекались. И чего, я должен был это спустить?

– Вот и не спустил, – кисло усмехнулся третий, только что принявший сидячее положение. И, вздохнув, подытожил: – Ладно, чего уж там – все мы лоханулись. Ну что, дальше пойдем или вернемся в банду доклад делать?..

Ликоэль же в это время бежал трусцой по ставшему уже почти привычным маршруту, напрямик, через Руины, сторонясь тех проходов, которые местные жители называли «коридорами».

Минут через сорок он выскочил за пределы Руин и двинулся по побережью, огибая густой лес. До новой точки входа в транспортные тоннели ему оставалось еще около полутора часов бега. Ну, если, конечно, по дороге не произойдет ничего неожиданного. Но это вряд ли. Маршруты патрулей «желтоглазых» проходили минимум километрах в шести от побережья, на которое захватчики не совались. Они вообще предпочитали не вылезать за пределы «своих» территорий. Что было весьма странным. Зачем они завоевали Олу, если сейчас контролировали всего около двух сотен квадратных километров поверхности планеты? А обустроились лишь на полусотне... Вопрос, ответа на который пока не находилось. Во многом именно поэтому «руигат» сидели в Бункере тихо, как мыши под веником, изучая Руины только одинокими разведчиками и почти не используя сенсоры. Ибо, как говорили Старшие инструкторы, непонятное – опасно... А местные обычно кучковались в Руинах, опасаясь выходить за их пределы. Что, впрочем, было вполне объяснимо. За почти полторы сотни лет полной разрухи в разросшихся по окрестностям Руин лесах расплодилось много хищников, а умениями как в изготовлении, так и во владении даже самым примитивным оружием местные обладали не ахти какими. Даже бандиты были вооружены только ножами и дубинками. Поэтому при встрече с агрессивной фауной большинство олийцев предпочитали убегать, а не сражаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.